

Самарский университет,
кафедра государственного
и муниципального управления
Самара, Россия

DOI: 10.24153/ 2079-5912-2017-8-1-19-24

УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: Одним из актуальных вопросов политологии выступает поиск универсальных алгоритмов управления этнополитическими конфликтами. В статье продемонстрирована зависимость разработки данных алгоритмов от формирования научной информации о конфликте, а также приведены основные закономерности, касающиеся содержания и методов управления этнополитическими конфликтами.

Ключевые слова: управление этнополитическими конфликтами, виды этнополитических конфликтов, тактика, стратегия, терроризм.

1. Вступление: актуальность проблемы

Неуклонное возрастание этнополитической напряженности во многих регионах и государствах мира, наблюдаемое в последние десятилетия, диктует повышенный интерес к изучению соответствующих процессов. Имея крупномасштабную предтечу в виде столкновений времен Реформации XVI в. [3, с. 156], этнополитические конфликты (далее – ЭПК) стали все больше беспокоить мировое сообщество с началом в 1970-х гг. «этнического ренессанса» [5, с. 141].

На сегодня этнополитической конфликтологией накоплен колоссальный теоретико-методологический материал по изучению ЭПК и построению процесса управления ими. В частности, проблемам управления ЭПК посвящены работы таких авторов, как Атнашев В.Р. [1], Лопухова О.В. [7], Мартышкин С.А. [8] и др. Тем не менее, в этнополитической конфликтологии наблюдается ряд неплодотворных тенденций, сказывающихся как на эффективности изучения ЭПК, так и на решении связанных с ними прикладных задач. Так, подобно тому, как в деле выявления причин ЭПК излишняя важность придается различным факторам поверхностного характера, при изложении приемов управления ЭПК зачастую освещаются конкретно-прикладные меры без их привязки к общенаучным закономерностям. Как правило, внимание исследователей обращено на переговорные процессы, территориальные пересмотры и др., то есть, так или иначе, на конкретику управления ЭПК [4, с. 126].

Меж тем, только выявление специфики основного актора ЭПК может дать наиболее корректную информацию о конфликте, являющуюся первоосновой для эффек-

тивной разработки конкретно-прикладных приемов управления им. И здесь вспоминаются легендарные слова Ю.В. Андропова: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок». При всем этом рассмотрение самих ЭПК зачастую сведено к описанию конкретных задач, стремление к решению которых было вложено в конфликт, а также характеристик ЭПК как процесса [4, с. 126]. В итоге, изучение ЭПК становится привязанным к весьма изменчивым, идеографическим по своей природе показателям, что ставит крест на обнаружении подлинно научных закономерностей, свойственных данной сфере, и, как следствие, разработке настоящего универсальных алгоритмов преодоления прикладных проблем.

В настоящей статье нами продемонстрирована связь между решением вопроса об основополагающем характере управления тем или иным ЭПК и результатом его научного анализа – выявлением специфики основного актора данного конфликта.

2. Классификация ЭПК по типу основного актора

Тип основного актора конфликта, выступающий критерием для наиболее универсальной (и, следовательно, наиболее соответствующей требованиям науки) классификации ЭПК, имеет привязку к такой философской категории, как содержание сущности. Последняя, в свою очередь, всегда отражает специфику некоторого явления, находящегося на строго определенной стадии развития [4, с. 129]. Так, если некоторая этническая локальная социальная группа видоизменилась в национальную локальную социальную политическую группу, став основным актором ЭПК [3, с. 165], то именно ее конечное состояние должно интересовать исследователя и именно оно будет выступать определяющим и наиболее значимым фактором для соответствующего ЭПК.

Итак, по типу основного актора выделяются следующие виды ЭПК.

1. Инструменталистские ЭПК. Основной актор конфликта данной разновидности имеет для инициирования ЭПК и участия в нем в обязательном порядке

основания объективного (в первую очередь – экономического) характера. Следствием такого положения дел выступает выраженная масштабность основного актора, представленного многочисленными силами, которых связывает общий интерес.

Хорошим примером инструменталистского ЭПК выступает напряженность, порожденная в последние годы унионистским движением Румынии. Основной актор этого ЭПК действительно составлен широкими слоями обществ Румынии и частично Молдовы, от румынского экс-президента, Т. Бэсеску, до структур, вроде Actiunea-2012 [6, с. 165–167].

2. Конструктивистские ЭПК. В ходе развития подобных конфликтов действия основного актора, в общем случае, представлены активностью некоторых социально-политических групп, базирующейся на факторах, следственных (прежде всего – политических) по своей природе. В этой связи основной актор конструктивистского ЭПК должен быть малочисленным вплоть до составления такого лишь одной группой.

Без преувеличений хрестоматийным примером конструктивистского ЭПК служит ситуация, развивающаяся с 1970-х гг. вокруг сепаратизма Шотландии. Красноречивость шотландского ЭПК в затронутом контексте состоит также в том, что его основной актор, по сути, сведен к Шотландской национальной партии (ШНП) [5, с. 135–137, 141].

Дополнительно следует сделать акцент на примордиальной окраске, которая может быть присуща основному актору любого вида ЭПК.

Положение концепции примордиализма в этнополитической конфликтологии отличается спорностью и неоднозначностью. Зачастую идеи примордиализма трактуются как делающие упор на конфликтах и факторах, связанных с родоплеменными социальными системами [или дорелигиозными (языческими) этносами]. Однако последние, участвуя в межплеменных войнах, демонстрировали, вместе с тем, потрясающую сплоченность, что заведомо пресекало развитие в них конфликтов, индуцированных изнутри социальной системы [3, с. 156, 170]. Поэтому, по крайней мере, в рамках этнополитической конфликтологии примордиализм не должен иметь привязку к дорелигиозным этносам.

Обратив внимание на само смысловое наполнение термина примордиализм, можно заключить, что его дословное значение – «первопорядок» [2, с. 408, 466]. Последнее же предполагает детерминированность, предопределенность и действительно идет в разрез с укладом дорелигиозных этносов, строившимся, в соответствии с канонами родовой и военной демократий [3, с. 170]. Детерминированность социального устройства возникла далее, с появлением религии, по определению, предполагающей ориентированность на некую догматику [2, с. 207], чаще изложенную в письменной форме (Библия, Коран, Тора).

Итак, примордиальная окраска основного актора ЭПК связана с наличием у такового тех или иных религиозных черт. Учет подобного обстоятельства чрезвычайно важен, поскольку требует добавления в построение управления ЭПК специфического компонента (см. далее).

В качестве весьма и весьма показательного примера присутствия у основного актора ЭПК примордиальной окраски можно привести конфликт в Северной Ирландии, обострение которого в 1967 г. было связано как раз с учреждением прокатолической Североирландской ассоциации борьбы за гражданские права (а также активизацией Ирландской республиканской армии) в ответ на дискриминационные меры радикально-протестантского правительства региона [5, с. 135].

3. Основные технологии управления ЭПК

Обращаясь непосредственно к научно обоснованной конкретике управления ЭПК, вначале необходимо кратко рассмотреть два основополагающих момента, определяющих ориентиры и возможности субъекта управления, воздействующего на ЭПК, в современных условиях.

Ориентиры управления ЭПК проистекают из соотнесения основы основ управленческой науки – разбиения процесса управления на тактику (кратко- и долгосрочную) и стратегию – с реалиями конкретной проблемной ситуации. Но, вне зависимости от особенностей последней, управление любым ЭПК подразумевает выполнение следующих задач:

- 1) в краткосрочном периоде – прекращение ЭПК;
- 2) в долгосрочном периоде – урегулирование ЭПК;

3) в стратегическом периоде – возвращение субъектов-членов национальной локальной социальной политической группы в состав нации в качестве полноправных представителей таковой и, что намного важнее, создание условий для предотвращения развития ЭПК в будущем.

Что касается возможностей субъекта управления, то они напрямую зависят от методологических рамок, в которые ставится процесс управления. В самом общем виде методы управления ЭПК делятся на экстенсивно-политические (чрезвычайные меры, или меры военного времени) и интенсивно-политические (приемы мирного времени). Однако правомерность применения первых на сегодня подвергнута серьезной переоценке: в условиях, когда на мегаполитическом уровне действуют такие документы, как Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, легальное управление ЭПК неминуемо должно осуществляться лишь методами интенсивно-политического характера. Следовательно, приемы решения этнополитических проблем, подобные геноциду, этническим депортациям, могут рассматриваться лишь в ретроспективном ключе.

Переходя к характеристике основных технологий управления ЭПК, основывающихся на учете специфики основного актора и, таким образом, конфликта, в целом, следует отметить, что к ним может быть применим, пусть и со значительной долей фигуральности, один из базовых принципов химической науки – «подобное растворяется в подобном». Данное утверждение предполагает, что, к примеру, масло должно лучше растворяться в скипидаре, а сахар – в воде. Ситуация с ЭПК обстоит схожим образом: определение субъектом управления типа конфликта обуславливает специфику конкретных магистральных установок выстраиваемого процесса управления. Иными словами, конфликт может действительно раствориться лишь в условиях, тождественных его природе.

Так, если речь идет об инструменталистском ЭПК, то меры воздействия на основного актора должны иметь преимущественно экономический характер. Поэтому, возвращаясь к унионистской активности Румынии, имеющей на сегодня ряд серьезных экономических проблем, отметим, что свою результативность в преодолении данного конфликта должны продемон-

стрировать реструктуризация госдолга Румынии, дополнительное предоставление ей займов на более выгодных условиях, а также стимулирование повышения эффективности в решении правительством Румынии проблем, выделенных Европейской комиссией накануне ее выступления в Евросоюз («красных флажков») [6, с. 176–179].

Напротив – приемам разрешения конструктивистского ЭПК должна быть свойственна в основном политическая направленность. Этим как раз и объясняется тот факт, что основная тенденция разрешения сложившегося в Шотландии конфликтного статус-кво – это предоставление шотландскому парламенту и правительству дополнительных полномочий для дальнейшего расширения их компетенции. К слову, подобный вектор управления шотландским ЭПК полностью укладывается в направления деволюционной реформы, которая, собственно, и была призвана снизить напряженность в диалоге Лондона с Шотландией и Уэльсом, посредством углубления автономизации данных регионов [5, с. 136, 148].

Относительно примордиальной окраски основного актора ЭПК, необходимо прежде всего признать, что ее наличие также является проблемой, требующей разрешения. Как было отмечено выше, каждая религия опирается на некоторую догматику, и поэтому элиминирование примордиальной окраски основного актора может быть достигнуто, лишь путем выделение средств на увеличение непроизводительного потребления субъектами, составляющими основной актор ЭПК, и в первую очередь – на повышение уровня их образованности. Как справедливо гласит один афоризм, «образованность – это умение видеть социально выдержанную альтернативу». И именно альтернатива, фундамент которой – развитое универсализированное мышление, не приемлема для всякой догматики.

В связи с этим, отнюдь не удивительно, что после того, как во времена «арабской весны» по Саудовской Аравии прокатилась волна акций протеста, вызванных недовольством со стороны молодежи методами борьбы правительства с членами религиозной экстремистской группировки «Заблудшая секта», руководство Саудовской Аравии, обеспокоенное политическими переменами у ближайших соседей, заявило об увеличении затрат на образование и социальные нужды, а

также о выделении бюджетных средств на строительство жилья и дополнительном создании рабочих мест [9, с. 26–27]. Подобное решение выглядит вполне логичным, с учетом того, что одним из главных действующих лиц «арабской весны» являлись различные социально-политические группы, выступавшие под радикально-исламистскими лозунгами.

4. Заключение: новые вызовы современности

Одной из серьезнейших проблем, косвенно связанных с управлением ЭПК, являются нынешние тенденции оценки такого явления, как терроризм. В условиях отсутствия на мегаполитическом уровне четкого определения термина терроризм, новейшее уголовное законодательство развитых государств (например, «Закон о терроризме», Соединенное Королевство, 2000 г. [10]) демонстрирует чрезмерную вариативность в трактовке данного явления и отсылочный характер его формально-правового регулирования. В итоге, если ранее терроризм действительно отличался выраженной однозначностью, представляя собой физическое устранение тех или иных лиц в тех или иных масштабах, то сегодня под терроризм по факту можно подвести любое выступление против некоторой государственной политической системы, имеющее целью заполучение политической свободы в стратегическом периоде. При этом получение политической свободы есть цель любого основного актора ЭПК [3, с. 166].

Как следствие, методологическая составляющая управления ЭПК начала пополняться неокстенсивно-политическими приемами, состоящими в решении этнополитических проблем военными методами через объявление основных акторов ЭПК террористами. Бесспорно, одним из самых драматичных подтверждений такого положения дел стали «антитеррористические операции», инициированные политической системой Украины в 2014 г. Все это свидетельствует о новых вызовах, стоящих перед теорией и практикой управления ЭПК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Атнашев В.Р. Автономизация как средство урегулирования современных этнополитических конфликтов // Управленческое консультирование. 2013. №12 (60). С. 35–41.
2. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. М.: Мартин, 2008. 704 с.
3. Васильев В.А. Базовая схема управления этнополитическими конфликтами (Часть вторая. Историко-материалистические основания) // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по материалам XLIX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Н.Р. Красовская. М.: Интернаука, 2016. № 4 (44). С. 155–179.
4. Васильев В.А. Базовая схема управления этнополитическими конфликтами (Часть первая) // Вестник Самарского университета. Серия «Экономика и управление». 2016. № 1. С. 126–139.
5. Васильев В.А. Движение за независимость Шотландии: ретроспективный анализ и современное состояние // Свободная мысль. 2014. №5 (1647). С. 135–148.
6. Васильев В.А. Унионизм в современной Румынии: комплексный анализ // Свободная мысль. 2016. №4 (1658). С. 165–180.
7. Лапухова О.В. Системы раннего предупреждения этнополитических конфликтов // Армия и общество. 2009. №4. С. 15–20.
8. Мартышкин С.А. Консоциация как метод управления этническими процессами // Вестник Самарского университета. Серия «Экономика и управление». 2016. №1. С. 33–39.
9. Цуркан А.А. Классификация политических моделей исламских стран с учетом фактора исламского радикализма // Исламоведение. 2013. №2. С. 23–34.
10. Terrorism Act 2000. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11/pdfs/ukpga_20000011_en.pdf (дата обращения: 23.01.2017).

Vasiliev V.A.
valv98@yandex.ru

Samara University,
Russia, Samara

MANAGEMENT OF ETHNO-POLITICAL CONFLICTS: DESCRIPTION OF MAIN TECHNOLOGIES

One of the most urgent issues of political science is the search of universal algorithms of ethno-political conflicts management. The article demonstrates the dependence of the development of these algorithms from the formation of the scientific information on a conflict, and includes the basic laws concerning the content and the methods of ethno-political conflicts management.

Keywords: management of ethno-political conflicts, types of ethno-political conflicts, tactics, strategy, terrorism.

Literature:

1. Atnashev V.R. Avtonomizaciya kak sredstvo uregulirovaniya sovremennyx e'tnopoliticheskix konfliktov // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2013. №12 (60). S. 35–41.
2. Bulyko A.N. Bol'shoj slovar' inostrannyx slov. 35 tysyach slov. M.: Martin, 2008. 704 s.
3. Vasil'ev V.A. Bazovaya sxema upravleniya e'tnopoliticheskimi konfliktami (Chast' vtoraya. Istoriko-materialisticheskie osnovaniya) // Nauchnaya diskussiya: voprosy sociologii, politologii, filosofii, istorii: sb. st. po materialam XLIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red.: N.R. Krasovskaya. M.: Internauka, 2016. № 4 (44). S. 155–179.
4. Vasil'ev V.A. Bazovaya sxema upravleniya e'tnopoliticheskimi konfliktami (Chast' pervaya) // Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya «E'konomika i upravlenie». 2016. № 1. S. 126–139.
5. Vasil'ev V.A. Dvizhenie za nezavisimost' Shotlandii: retrospektivnyj analiz i sovremennoe sostoyanie // Svobodnaya mysl'. 2014. №5 (1647). S. 135–148.
6. Vasil'ev V.A. Unionizm v sovremennoj Rumynii: kompleksnyj analiz // Svobodnaya mysl'. 2016. №4 (1658). S. 165–180.
7. Lapuxova O.V. Sistemy rannego preduprezhdeniya e'tnopoliticheskix konfliktov // Armiya i obshhestvo. 2009. №4. S. 15–20.
8. Martyshkin S.A. Konsociaciya kak metod upravleniya e'tnicheskimi processami // Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya «E'konomika i upravlenie». 2016. №1. S. 33–39.
9. Curkan A.A. Klassifikaciya politicheskix modelej islamskix stran s uchetom faktora islamskogo radikalizma // Islamovedenie. 2013. №2. S. 23–34.
10. Terrorism Act 2000. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11/pdfs/ukpga_20000011_en.pdf (data obrasheniya: 23.01.2017).